

Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
по литературе
2020/2021 учебный год

11 класс

Задание №1
Аналитическое задание
(целостный анализ поэтического ИЛИ прозаического текста – по выбору
ученика)

Выполните целостный анализ стихотворения современного поэта *Константина Шакаряна «Стансы»*, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: жанровые и композиционные особенности; роль художественных деталей в развитии лирического сюжета произведения; особенности философского содержания и пафоса стихотворения.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

Константин Шакарян

СТАНСЫ

*

У столетия на примете,
Что шепчу я — поди пойми:
Дай пожить мне еще на свете
Меж деревьями и людьми.
Коротка ли, длинна дорога,
Скоро ль свистнет у сердца плеть...
Дай пожить мне еще немного —
Дай премного еще успеть...

*

У столетия на примете
Прохожу по канату дня,
Прозреваю свое столетье,
Глухо терпящее меня.
Настоящего злую реку,
Содрогаясь, перехожу.
Ни себе, ни другим, ни веку
Оправданий не нахожу...

*

Из сегодня во время оно
Заплываю — учить язык.
Башни, с самого Вавилона,
Расположены здесь впритык.
Не умею промолвить слова,
Душу выговорить свою...
У барьера языкового
Перед родичами стою.

*

Время позднее. Свет погашен.
Неприкаянный кружит вздох
Посреди бесконечных башен
Вавилонов иных эпох.
Дух снедаем тревоги магмой,
Веры прежней своей лишен.
Понимаю: язык мой — враг мой.
Но и друг мой — один лишь он.

*

Возвращаюсь. Бреду, уставший,
Подставляя лицо ветрам;
Сам себе обещанье давший
Вместо башни построить храм.
Перед веком своим в ответе
Вновь шепчу я — Творцу, судьбе:
Дай пожить мне еще на свете,
Дай достроить его в себе!..

*

У столетия на примете,
На пороге ли, на тропе...

2020

Выполните целостный анализ рассказа *Михаила Александровича Шолохова (1905–1984) «Родинка»*. Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): композиционные особенности произведения, организующую роль заглавия, сюжетную динамику истории; роль художественных деталей в повествовании (в том числе пейзажных); объясните особенности и функции языковой стихии рассказа; наконец, постарайтесь сделать вывод о своеобразии авторской позиции в произведении.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

М.А. Шолохов

Родинка

I

На столе гильзы патронные, пахнущие сгоревшим порохом, баранья кость, полевая карта, сводка, уздечка наборная с душком лошадиного пота, краюха хлеба. Все это на столе, а на лавке тесаной, заплесневевшей от сырой стены, спиной плотно к подоконнику прижавшись, Николка Кошевой, командир эскадрона сидит. Карандаш в пальцах его изящных, недвижимых. Рядом с давнишними плакатами, распластанными на столе, - анкета, наполовину заполненная. Шершавый лист скупно рассказывает: *Кошевой Николай. Командир эскадрона. Землероб. Член РКСМ.*

Против графы «возраст» карандаш медленно выводит: *18 лет.*

Плечист Николка, не по летам выглядит. Старят его глаза в морщинках лучистых и спина, по-стариковски сутулая, - мальчишка ведь, пацаненок, куга зеленая, говорят шутя в эскадроне, - а подыщи другого, кто бы сумел почти без урона ликвидировать две банды и полгода водить эскадрон в бои и схватки не хуже любого старого командира!

Стыдится Николка своих восемнадцати годов. Всегда против ненавистой графы «возраст» карандаш ползет, замедляя бег, а Николкины скулы полыхают досадным румянцем. Казак Николкин отец, а по отцу и он - казак. Помнит, будто в полусне, когда ему было лет пять-шесть, сажал его отец на коня своего служивского.

- За гриву держись, сынок! - кричал он, а мать из дверей стряпки улыбалась Николке, бледная, и глазами широко раскрытыми глядела на ножонки, окарачившие острую хребтину коня, и на отца, державшего повод.

Давно это было. Пропал в германскую войну Николкин отец, как в воду канул. Ни слуху о нем, ни духу. Мать померла. От отца Николка унаследовал любовь к лошадям, неизмеримую отвагу и родинку, такую же, как у отца, величиной с голубиное яйцо, на левой ноге, выше щиколотки. До пятнадцати лет мыкался по работникам, а потом шинель длинную выпросил и с проходившим через станицу красным полком ушел на Врангеля. Летом нынешним купался Николка в Дону с военкомом. Тот, заикаясь и кривя контуженную голову, сказал, хлопая Николку по сутулой и черной от загара спине:

- Ты того... того... Ты счастли... счастливый! Ну да, счастливый! Родинка - это, говорят, счастье.

Николка ощерил зубы кипенные, нырнул и, отфыркиваясь, крикнул из воды:

- Брешешь ты, чудак! Я с малства сирота, в работниках всю жизнь гибнул, а он - счастье!..

И поплыл на желтую косу, обнимавшую Дон.

II

Хата, где квартирует Николка, стоит на яру над Доном. Из окон видно зеленое расплескавшееся Обдонье и вороненую сталь воды. По ночам в бурю волны стучатся под яром, ставни тоскуют, захлебываясь, и чудится Николке, что вода вкрадчиво ползет в щели пола и, прибывая, трясет хату.

Хотел он на другую квартиру перейти, да так и не перешел, остался до осени. Утром морозным на крыльцо вышел Николка, хрупкую тишину ломая перезвоном подкованных сапог. Спустился в вишневый садик и лег на траву, заплаканную, седую от росы. Слышно, как в сарае уговаривает хозяйка корову стоять спокойно, телок мычит требовательно и басовито, а о стенки цибарки вызванивают струи молока.

Во дворе скрипнула калитка, собака забрехала. Голос взводного:

- Командир дома?

Приподнялся на локтях Николка.

- Вот он я! Ну, чего там еще?

- Нарочный приехал из станицы. Говорит, банда пробилась из Сальского округа, совхоз Грушинский заняла...

- Веди его сюда.

Тянет нарочный к конюшне лошадь, потом горячим облитую. Посреди двора упала та на передние ноги, потом - на бок, захрипела отрывисто и коротко и издохла, глядя стекленеющими глазами на цепную собаку, захлебнувшуюся злобным лаем. Потому издохла, что на пакете, привезенном нарочным, стояло три креста и с пакетом этим скакал сорок верст, не передыхая, нарочный.

Прочитал Николка, что председатель просит его выступить с эскадром на подмогу, и в горницу пошел, шашку цепляя, думал устало: «Учиться бы поехать куда-нибудь, а тут банда... Военком стыдит: мол, слова правильно не напишешь, а еще эскадронный... Я-то при чем, что не успел приходскую школу окончить? Чудак он... А тут банда... Опять кровь, а я уж умерялся так жить... Опостылело все...»

Вышел на крыльцо, заряжая на ходу карабин, а мысли, как лошади по утоптанному шляху, мчались: «В город бы уехать... Учиться б...»

Мимо издохшей лошади шел в конюшню, глянул на черную ленту крови, точившуюся из пыльных ноздрей, и отвернулся.

III

По кочковатому летнику, по колеям, ветрами облизанным, мышастый придорожник кучерявится, лебеда и пышатки густо и махровито лопаются. По летнику сено когда-то возили к гумнам, застывшим в степи янтарными брызгами, а торный шлях улегся бугром у столбов телеграфных. Бегут столбы в муть осеннюю, белесую, через лога и балки

перешагивают, а мимо столбов шляхом глянцевитым ведет атаман банду - полсотни казаков донских и кубанских, властью Советской недовольных. Трое суток, как набелившийся волк от овечьей отары, уходят дорогами и целиною бездорожно, а за ним вназирку - отряд Николки Кошевого.

Отъявленный народ в банде, служивский, бывалый, а все же крепко призадумывается атаман: на стремях привстает, степь глазами излапывает, версты считает до голубенькой каемки лесов, протянутой по ту сторону Дона.

Так и уходят по-волчьи, а за ними эскадрон Николая Кошевого следы топчет.

Днями летними, погожими в степях донских, под небом густым и прозрачным звоном серебряным вызванивает и колышется хлебный колос. Это перед покосом, когда у ядерной пшеницы-гарновки ус чернеет на колосе, будто у семнадцатилетнего парня, а жито дует вверх и норовит человека перерасти.

Бородатые станичники на суглинке, по песчаным буграм, возле левад засевают клинышками жито. Сроду не родится оно, издавна десятина не дает больше тридцати мер, а сеют потому, что из жита самогон гонят, яснее слезы девичьей; потому, что исстари так заведено, деды и прадеды пили, а на гербе казаков Области Войска Донского, должно, недаром изображен был пьяный казак, телешом сидящий на бочке винной. Хмелем густым и ярым бродят по осени хутора и станицы, нетрезво качаются красноверхие папахи над плетнями из краснотала.

По тому самому и атаман дня не бывает трезвым, потому-то все кучера и пулеметчики пьяно кособочатся на рессорных тачанках.

Семь лет не видал атаман родных куреней. Плен германский, потом Врангель, в солнце расплавленный Константинополь, лагерь в колючей проволоке, турецкая фелюга со смолистым соленым крылом, камыши кубанские, султанистые, и - банда.

Вот она, атаманова жизнь, коли назад через плечо оглянуться. Зачерствела душа у него, как летом в жарынь черствеют следы раздвоенных бычачьих копыт возле музги* степной. Боль, чудная и непонятная, точит изнутри, тошнотой наливает мускулы, и чувствует атаман: не забыть ее и не залить лихоманку никаким самогоном. А пьет - дня трезвым не бывает потому, что пахуче и сладко цветет жито в степях донских, опрокинутых под солнцем жадной черноземной утробой, и смуглощекие жалмерки до хуторам и станицам такой самогон вываривают, что с водой родниковой текучей не различить.

**Музга (диал.) - озерко, болотце.*

IV

Зарю стукнули первые заморозки. Серебряной проседью брызнуло на разлапистые листья кувшинок, а на мельничном колесе поутру заметил Лукич тонкие разноцветные, как слюда, льдинки.

С утра прихворнул Лукич: покалывало в поясницу, от боли глухой ноги сделались чугунными, к земле липли. Шаркал по мельнице, с трудом передвигая несуразное, от костей отстающее тело. Из просорушки шмыгнул мышинный выводок; поглядел кверху глазами слезливо-мокрыми: под потолком с перекладины голубь сыпал скороговоркой дробное и деловитое бормотание. Ноздрями, словно из суглинка вылепленными, втянул дед вязкий душок водяной плесени и запах перемолотого жита, прислушался, как нехорошо, захлебываясь, сосала и облизывала сваи вода, и бороду мочалистую помял задумчиво.

На пчельнике прилег отдохнуть Лукич. Под тулупом спал наискось, распахнувши рот, в углах губ бороду слюнявил слюной, клейкой и теплой. Сумерки густо измазали дедову хатенку, в молочных лоскутках тумана застряла мельница...

А когда проснулся - из лесу выехало двое конных. Один из них крикнул деду, шагавшему по пчельнику:

- Иди сюда, дед!

Глянул Лукич подозрительно, остановился. Много перевидал он за смутные года таких вот вооруженных людей, бравших не спрашивая корм и муку, и всех их огулом, не различая, крепко недолбливал.

- Живей ходи, старый хрен!

Промеж ульев долбленых двинулся Лукич, тихонько губами вылинявшими беззвучно зашамкал, стал поодаль от гостей, наблюдая искоса.

- Мы - красные, дедок... Ты нас не бойся, - миролюбиво просипел атаман. Мы за бандой гоняемся, от своих отбились... Може, видел вчера отряд тут проходил?

- Были какие-то.

- Куда они пошли, дедушка?

- А холера их ведает!

- У тебя на мельнице никто из них не остался?

- Нетути, - сказал Лукич коротко и повернулся спиной.

- погоди, старик. - Атаман с седла соскочил, качнулся на дуговатых ногах пьяно и, крепко дохнув самогоном, сказал: - Мы, дед, коммунистов ликвидируем... Так-то!.. А кто мы есть, не твоего ума дело! - Споткнулся, повод роняя из рук. - Твое дело зерна на семьдесят коней приготовить и молчать... Чтобы в два счета!.. Понял? Где у тебя зерно?

- Нетути, - сказал Лукич, поглядывая в сторону.

- А в этом амбаре что?

- Хлам, стало быть, разный... Нетути зерна!

- А ну, пойдём!

Ухватил старика за шиворот и коленом потянул к амбару кособокому, в землю вросшему. Двери распахнул. В закромах пшеница и чернобылый ячмень.

- Это тебе что, не зерно, старая сволочуга?

- Зерно, кормилец... Отмол это... Год я его по зернушку собирал, а ты конями потравить норовишь...

- По-твоему, нехай наши кони с голоду дохнут? Ты что же это - за красных стоишь, смерть выпрашиваешь?

- Помилуй, жалкенький мой! За что ты меня? - Шапчонку сдернул Лукич, на колени шмякнулся, руки волосатые атамановы хватал, целуя...

- Говори: красные тебе любы?

- Прости, болезный!.. Извиняй на слове глупом. Ой, прости, не казни ты меня, - голосил старик, ноги атамановы обнимая.

- Божись, что ты не за красных стоишь... Да ты не крестись, а землю ешь!..

Ртом беззубым жуёт песок из пригоршней дед и слезами его подмачивает.

- Ну, теперь верю. Вставай, старый!

И смеется атаман, глядя, как не встанет на занемевшие ноги старик. А из закровов тянут наехавшие конные ячмень и пшеницу, под ноги лошадям сыпят и двор устилают золотистым зерном.

V

Заря в тумане, в мокрети мгливой.

Миновал Лукич часового и не дорогой, а стежкой лесной, одному ему ведомой, затрусил к хутору через буераки, через лес, насторожившийся в предутренней чуткой дреме.

До ветряка дотюпал, хотел через прогон завернуть в улочку, но перед глазами сразу вспухли неясные очертания всадников.

- Кто идет? - окрик тревожный в тишине.

- Я это... - шамкнул Лукич, а сам весь обмяк, затрясся.

- Кто такой? Что - пропуск? По каким делам шляешься?

- Мельник я... С водянки тутошней. По надобностям в хутор иду.

- Каки-таки надобности? А ну, пойдём к командиру! Вперед иди! - крикнул один, наезжая лошадью.

На шее почуял Лукич парные лошадиные губы и, прихрамывая, засеменял в хутор.

На площади у хатенки, черепицей крытой, остановились. Провожатый, кряхтя, слез с седла, лошадь привязал к забору и, громыхая шашкой, взошел на крыльцо.

- За мной иди!..

В окнах огонек маячит. Вошли.

Лукич чихнул от табачного дыма, шапку снял и торопливо перекрестился на передний угол.

- Старика вот задержали. В хутор правился.

Николка со стола приподнял лохматую голову, в пуху и перьях, спросил сонно, но строго:

- Куда шел?

Лукич вперед шагнул и радостью поперхнулся.

- Родимый, свои это, а я думал - опять супостатники энти... Заробел дюже и спросить побоялся... Мельник я. Как шли вы через Митрохин лес и ко мне заезжали, еще молоком я тебя, касатик, поил... Аль запомнил?..

- Ну, что скажешь?

- А то скажу, любезный мой: вчераь затемно наехали ко мне банды эти самые и зерно начисто стравили коням!.. Смывались надо мною... Старший ихний говорят: присягай нам, в одну душу, и землю заставил есть.

- А сейчас они где?

- Тамотко и есть. Водки с собой навезли, лакают, нечистые, в моей горнице, а я сюда прибег доложить вашей милости, может, хоть вы на них какую управу сыщете.

- Скажи, чтоб седлали!..- С лавки привстал, улыбаясь деду, Николка и шинель потянул за рукав устало.

VI

Рассвело.

Николка, от ночей бессонных зелененький, подскакал к пулеметной двуколке.

- Как пойдем в атаку - лупи по правому флангу. Нам надо крыло ихнее заломить!

И поскакал к развернутому эскадрону.

За кучей чахлых дубков на шляху показались конные - по четыре в ряд, тачанки в середине.

- Наметом! - крикнул Николка и, чуя за спиной нарастающий грохот копыт, вытянул своего жеребца плетью.

У опушки отчаянно застучал пулемет, а те, на шляху, быстро, как на учении, лавой рассыпалась.

Из бурелома на бугор выскочил волк, репьями увешанный. Прислушался, утнув голову вперед. Невдалеке барабанили выстрелы, и тягучей волной колыхался разноголосый вой.

Тук! - падал в ольшанике выстрел, а где-то за бугром, за пахотой эхо скороговоркой бормотало: так!

И опять часто: тук, тук, тук!.. А за бугром отвечало: так! так! так!..

Постоял волк и не спеша, вперевалку, потянул в лог, в заросли пожелтевшей нескошенной куги...

- Держись!.. Тачанок не кидать!.. К перелеску... К перелеску, в кровину мать! - кричал атаман, привстав на стременах.

А возле тачанок уж суетились кучера и пулеметчики, обрубая построшки, и цепь, изломанная беспрестанным огнем пулеметов, уже захлестнулась в неудержимом бегстве.

Повернул атаман коня, а на него, раскрылатившись, скачет один и шашкой помахивает. По биноклю, метавшемуся на груди, по бурке догадался атаман, что не простой красноармеец скачет, и поводья натянул. Издалека увидел молодое безусое лицо, злобой перекошенное, и сузившиеся от ветра глаза. Конь под атаманом заплясал, приседая на задние ноги, а он, дергая из-за пояса зацепившийся за кушак маузер, крикнул:

- Щенок белогубый!.. Махай, махай, я тебе намахую!..

Атаман выстрелил в наравставшую черную бурку. Лошадь, проскакав саженой восемь, упала, а Николка бурку сбросил, стреляя, перебежал к атаману ближе, ближе...

За перелеском кто-то взвыл по-звериному и осекся. Солнце закрылось тучей, и на степь, на шлях, на лес, ветрами и осенью отерханный, упали плывущие тени.

«Неук, сосун, горяч, через это и смерть его тут налапает», - обрывками думал атаман и, выждав, когда у того кончилась обойма, поводья пустил и налетел коршуном.

С седла перевесившись, шашкой махнул, на миг ощутил, как обмякло под ударом тело и послушно сползло наземь. Соскочил атаман, бинокль с убитого сдернул, глянул на ноги, дрожавшие мелким ознобом, оглянулся и присел сапоги снять хромовые с мертвяка. Ногой упираясь в хрустящее колено, снял один сапог быстро и ловко. Под другим, видно, чулок закатился: не скидается. Дернул, злобно выругавшись, с чулком сорвал сапог и на ноге, повыше щиколотки, родинку увидел с голубиное яйцо. Медленно, словно боясь разбудить, вверх лицом повернул холодеющую голову, руки измазал в крови, выползавшей изо рта широким бугристым валом, всмотрелся и только тогда плечи угловатые обнял неловко и сказал глухо:

- Сынок!.. Николушка!.. Родной!.. Кровинушка моя...

Чернея, крикнул:

- Да скажи же хоть слово! Как же это, а?

Упал, заглядывая в меркнувшие глаза; веки, кровью залитые, приподымая, тряс безвольное, податливое тело... Но накрепко закусил Николка посинелый кончик языка, будто боялся проговориться о чем-то неизмеримо большом и важном.

К груди прижимая, поцеловал атаман стынущие руки сына и, стиснув зубами запотевшую сталь маузера, выстрелил себе в рот...

А вечером, когда за перелеском замаячили конные, ветер донес голоса, лошадиное фырканье и звон стремян, с лохматой головы атамана нехотя сорвался коршун-стервятник. Сорвался и растаял в сереньком, по-осеннему бесцветном небе.

1924

Задание №2 Творческое задание

Накануне 1 сентября в одном из учительских интернет-сообществ разгорелся спор об уместности нестандартного оформления тетрадей по русскому языку. Кому-то оформление показалось вульгарным, кому-то – юмористическим, кто-то счёл его насмешкой над классикой.

Предложите свой вариант оформления тетради по литературе для 11 класса. Представьте, что вы сотрудник издательского холдинга и работаете в подразделении, отвечающем за выпуск тетрадей, альбомов, блокнотов и т. п. Объясните художнику-оформителю свою концепцию обложки и опишите её конкретные характеристики (это может быть либо устное выступление на совещании, либо письменная инструкция / докладная записка – на ваш выбор).

Уделите особое внимание следующим вопросам (чётко объясните каждое своё решение):

- Смысл и настроение: на какие эмоции рассчитана обложка и как она содержательно связана (или не связана) с литературой?
- Какие компоненты рисунка вы считаете обязательными? (Портреты писателей? Обложки книг? Афиши фильмов или спектаклей по литературным произведениям XX века? Репродукции картин? Символические изображения?)
- Текстовая часть изображения: нужна она на обложке или нет? Почему? Если текст должен быть, то какой именно?

- Дополнительные элементы оформления тетради (дизайн страниц, поля, разлиновка и т. п.).

Объём работы – примерно 200–250 слов.